

древности и средневековье. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1985. – С. 54 – 69.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большеереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 184 с.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII – VI вв. до н.э.). – М.: Наука, 1977. – 260 с.

Хрипунов И.Н., Власов В.П. Новое Кизил-Кобинское поселение в горном Крыму // Археол. вести. – 1998. – Вып. 5. – С. 176 – 185.

Чемякина М.А. Керамические изделия эпохи поздней бронзы – раннего железа лесостепного Обь-Иртышья как источник палеоэкономических реконструкций (по материалам многослойного поселения Омь-1): Автореф. ... дис. канд. ист. наук. – Новосибирск, 2001. – 22 с.

Чемякина М.А., Багрянская Е.П. Опыт выделения специализированных групп саргатских пряслиц на основе вычисления энергии вращения // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 625 – 630.

Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н. К вопросу о прядении у саргатцев (по материалам поселенческого комплекса Омь-1) // Археология вчера, сегодня, завтра. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1995. – С. 52 – 63.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972. – 248 с.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М.: Пущинский научный центр РАН, 1994. – 170 с.

Шульга П.И. Раннескифская упряжь VII – VI вв. до н.э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. – С. 25 – 49.

Эпов М.И., Чемякина М.И., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Парцингер Г., Молодин В.И., Балков Е.В. Геофизические исследования городища Чича-1 в 2000 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2000 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. 6. – С. 447 – 456.

Archaeological prospection. Third International Conference on Archaeological Prospection, Germany, Munich, 1999. – München, 1999. – 188 S.

Becker H. From nanotesla to picotesla – a new window for magnetic prospecting in archeology // Archeological Prospection. – 1995. – Vol. 2. – P. 217 – 227.

Becker H. Magnetische Prospektion archäologischer Stätten am Beispiel Troia (Turken), Piramesse (Agypten) und Ostia Antica (Italien) // Archaologie. Sonderdruck. – 1997. – H. 13: Jahrgang 1996/97. – S. 85 – 106.

Becker H., Fassbinder J.W.E. Magnetometry of a Scythian Settlement in Siberia near Cich in the Baraba steppe // Archaeological Prospection. – 1999. – Vol. 108. – P. 168 – 172.

Fassbinder J.W.E., Stanjek H. Occurrence of bacterial magnetite in soils from archaeological sites // Archaeologia Polona. – 1993. – Vol. 31. – P. 117 – 128.

Fassbinder J.W.E., Stanjek H., Vali H. Occurrence of magnetic bacteria in soil // Nature. – 1990. – Vol. 343. – P. 161 – 163.

Материал поступил в редколлегию 19.04.2001 г.

УДК 903.27

В.Е. Ларичев

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: alkin@paleo.archaeology.nsc.ru

**ВРЕМЯ В ОБРАЗАХ ИСКУССТВА СКИФО-СИБИРСКОГО
 ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ
 календарно-астрономический подтекст сцены
 противостояния льва и семейства кабанов
 фантастического обличья**

Вводные замечания

Продолжим разработку проблем семантики анималистических образов скифо-сибирского искусства, используя при расшифровке значимости их оригинальную методику, представленную ранее (см.: [Ларичев, 2000, с. 70 – 74]; там же постановка вопроса и литература). В качестве очередного объекта исследования избрана вторая серпентинитовая пластина, обнаруженная в районе с. Хорум-Даг Республики Тыва, где была найдена и первая пластина.

**Описание изделия.
 Персонажи композиции
 и ее обыденный смысл**

На одной из сторон пластины – уникального предмета мобильного искусства раннего железного века Южной Сибири (~ V в. до н.э.) выгравирована многофигурная композиция (рис. 1). Ее сюжет распознается без труда. Пожалуй, главный персонаж этой драматической картины – лев с широко распахнутой пастью и воинственно поднятым хвостом. Фигура хищника располагается вблизи округлого отверстия в центре пластины. Поджатые к телу конечности льва (поза “прыжок смерти”) почти касаются отверстия, а голова и туловище заметно удалены от края пластины (около него находится лишь ромбовидная “кисточка” на конце хвоста). На туловище, конечностях и в центре “кисточки” размещаются в некоем порядке аккурат-но просверленные лунки, большей частью округлых

очертаний. Одна из лунок просверлена в центре круглого (широко раскрытого (?), выпученного в ярости (?)) глаза животного. Эта лунка воспринимается зрачком глаза.

Фигура льва и его полная динамики поза соответствуют канонам искусства скифо-сибирского звериного стиля: хищник, вероятно, только что завершил “прыжок смерти” в сторону жертвы. Едва коснувшись земли, лев вцепился клыками в ее заднюю ногу, и ему осталось лишь опрокинуть животное на землю, чтобы приступить к кровавому пиршеству – к “терзаниям” и утолению голода.

Другую часть композиции составляют два взрослых существа – самец и самка, а также детеныш. Они синкретичные по облику и как таковые однозначной идентификации не поддаются. У больших животных туловища как будто кабаньи, но головы, по-видимому, рыбы (щучьи?), с огромными, серповидных очертаний нижними челюстями (выступающие пасти кабанов, хищно загнутые клыки?). Взрослые кабаны (так условно назовем эти фантастические существа) обращены головами друг к другу. Их носы и передние конечности почти соприкасаются, четко ограничивая вытянуто-овальных очертаний пространство, в пределах правой части которого, ниже головы более крупного кабана (самца), находится детеныш, возможно, новорожденный. Верхние контуры туловищ и голов взрослых кабанов определяют фигурный абрис левого и образующих тупой угол верхних краев предмета искусства. Туловища кабанов, а также конечности взрослых особей испещрены просверленными лунками

округлых очертаний. Глаза у взрослых кабанов такие же, как у львов: с лунками-зрачками в центре правильных кругов, и воспринимаются широко раскрытыми, выпученными, полными ярости или страха. По виду они, однако, близки круглым глазам рыб. И лишь у детеныша на месте глаза размещается простая, не обведенная кругом лунка, что, быть может, призвано отразить беспечность несмышленьша, который не реагирует адекватно на происходящее около него.

Изображения кабанов тоже отвечают канонам искусства скифо-сибирского звериного стиля. Животные запечатлены в напряженных позах ожидания смертельно опасной для них атаки врага. Они заняли выжидательную (оборонительной стойки) позицию и явно не проявляют желаний немедленно дать отпор противнику и сокрушить его. Между тем, кабаны, да еще столь фантастически устрашающего вида, – достойные (в сущности, равные) соперники льва. И если они все же ушли в “глухую защиту”, то причина тому очевидна – беспомощный детеныш, которого родителям, следовало непременно (пусть даже ценою своих жизней) оградить от гибели. Так что главные эпизоды сюжета выходят за рамки изображенного на пластине, а сам исход трагического поединка отнюдь не смотрится предрешенным.

В целом на второй пластине из Хорум-Дага представлено обычное для скифо-сибирского искусства художественное повествование о драматическом противостоянии, но не хищника (лев) и травоядного (лошадь), как на первой пластине, а хищника и целого семейства фантастического вида существ, агрессивная сущность которых выражена весьма впечатляюще.

Астральный характер персонажей композиции

Гравюра на пластине может, однако, быть воспринята и понята совсем иначе: не как банальная картина из жизни звериного царства, а сцена глубоко иносказательного, сакрального (тайного, замаскированного, с глубоко сокрытым от глаз непосвященных подтекстом) содержания с героями, сущность которых мифологическая, внеземная, отражающая события и процессы космического масштаба. Они, эти участники бесконечного и непримиримо жестокого противоборства, действуют, как можно догадываться, в неземном пространственном измерении и в особом временном контексте, а именно – в параметрах и границах явлений вселенского масштаба.

Возникает вопрос – есть ли основания именно в таком ключе оценивать композицию второй пластины из Хорум-Дага? В этой связи сконцентрируем внимание на деталях фигур животных, ибо как раз так называемые мелочи в изображенном, которые могут оказаться незамеченными (взгляд скользит по ним, не

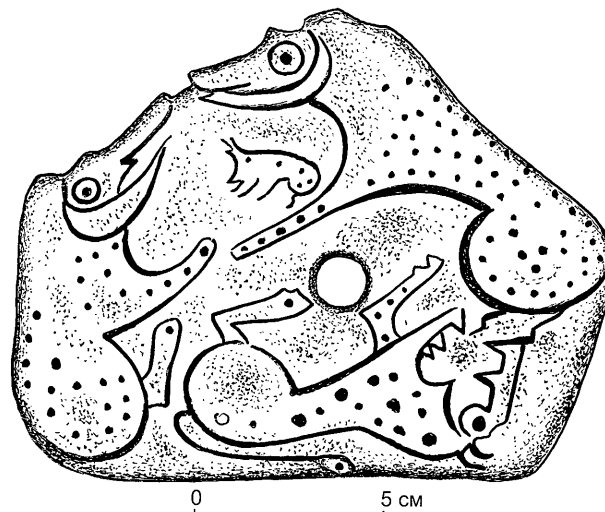

Рис. 1. Вторая серпентинитовая пластина из Хорум-Дага.

отмечая чего-то значительного), и подсказывают (намекуют) на внеземной контекст персонажей и событий, запечатленных на пластине из Тувы. В таком плане в первую очередь заслуживают анализа *глаза, одинаковые у всех взрослых особей* композиции, – почти идеально круглые, с луночным углублением в центре. Знак такого вида (окружность с точкой в центре) высоко значим в астрально-космической символике. Адепты небесных религий воспринимают его со священным трепетом и всегда однозначно – знаком величайшего светила небосвода, Солнца, подателя, стимулятора и регулятора жизни. В реальности же этот знак представляет собой на порядок более значительный символ Космоса – наглядную и четко отражающую астрономическую реальность – *картину единения главных светил Мироздания – Солнца и Луны*. Такое астрономическое явление есть *новолуние*, т.е. момент невидимости ночного светила, а поскольку Луна (точка) размещается в пределах диска Солнца (круг), а не выше или ниже (как чаще всего бывает в новолуние), то это есть и знаковое отражение события тревожного – момента полного затмения светила дневного. Окружность с точкой в центре есть знак, предупреждающий о смерти и начале катастрофы вселенского масштаба.

Как намеки на внеземную сущность взрослых кабанов можно воспринять их нижние челюсти (или гипертрофированные клыки). Эти детали щучьих голов *серповидные*, что выдает *лунный* характер существ (клыки кабанов в астральной символике традиционно воспринимаются воплощениями образов Луны, серпа ее первого или последнего дней видимости). О лунной природе детеныша свидетельствует вогнутый (опять-таки серповидный!) профиль его головы. С той же точки зрения примечателен зев льва. Пасть его

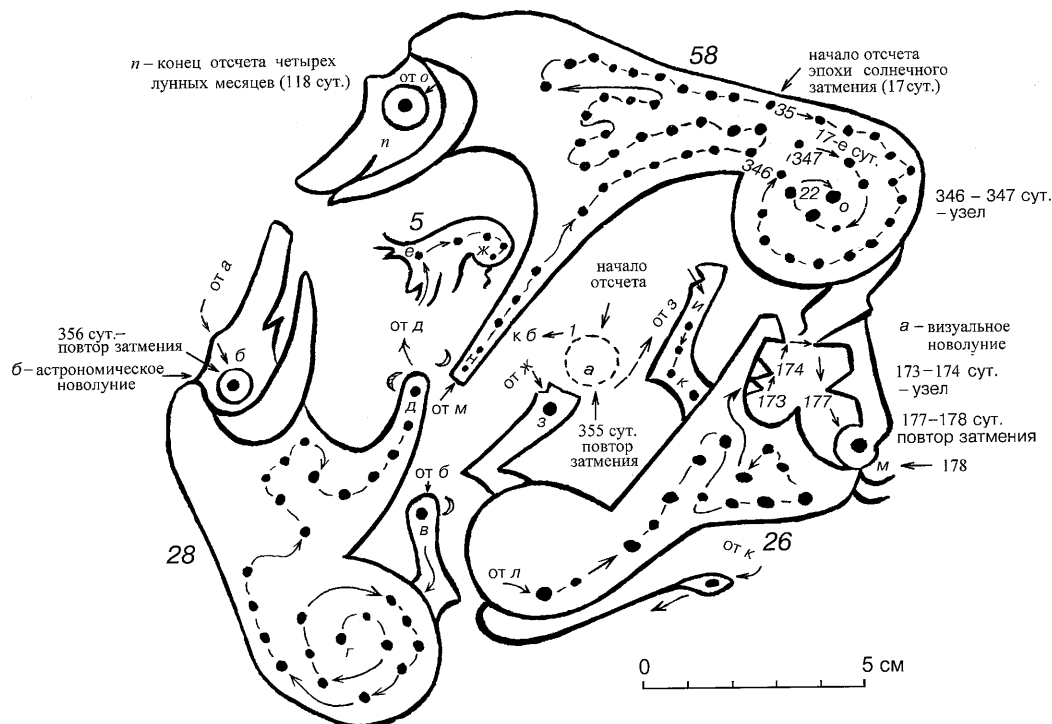

Рис. 2. Расшифровка знаковой записи, совмещенной с изображениями животных.

плавно очерчена двумя *серповидно изогнутыми линиями*, совмещенными с нижней и верхней челюстями (о лунных символах в древнем искусстве см. превосходную книгу К. Хенце [Hentze, 1932]).

Для оценки истинной природы персонажей композиции важны лунки, рассредоточенные в пределах тел животных. Значимость таких микродеталей гравюры очевидна – они призваны отразить шерсть или пятна на шкурах зверей. Не отвергая возможности такого видения, обратим внимание на главную особенность столь простых по виду элементов гравюры – лунки располагаются *не хаотично*, а *упорядоченно*, возможно, в соответствии с заранее обдуманым планом художника запечатлеть некий высоко информационно значимый текст. Соседствующие друг с другом лунки, если их мысленно объединить в группы, образуют прямые или волнообразные линии, зигзагообразные фигуры, параллельные ряды и, наконец, спирали – самый яркий символ календарности, астрономичности и космичности.

Такую гипотезу порождает анализ полей рассредоточения лунок. Для подтверждения ее правильности требуется расшифровка орнаментального вида записи.

Анималистические образы как носители календарно астрономических записей

Расшифровку знаковых записей начнем с подсчета количества знаков, размещенных в пределах туловищ

животных. На теле меньшего из кабанов просверлено 28 лунок, детеныша – 5, льва – 26 (с учетом 5 зубов), большого кабана – 58 лунок. Итак, с учетом сквозного отверстия на пластине всего знаков:

$$1 (a) + 28 + 5 + 26 + 58 = 118.$$

Рассмотрим большие числа записи на предмет выявления их календарно-астрономической значимости: 28 – близко продолжительности синодического лунного месяца (29,5306 сут.), 26 – близко продолжительности драконического (затменного – 27,2122 сут.) и сидерического (27,32 сут.) лунных месяцев, 58 – близко продолжительности двух синодических лунных месяцев (29,5306 сут. \times 2 = 59,0612 сут.). Календарно-астрономически значимы и два блока знаков, на которые четко подразделяется запись на туловище большого кабана, – 35 лунок на передней ноге и в средней части туловища (близко средней продолжительности эпохи солнечного затмения – 34 сут.) и 22 лунки заднего отдела (близко продолжительности эпохи лунного затмения – 21 сут.).

Высоко календарно значимо, наконец, и общее количество знаков на гравюре – 118, что с большой точностью отражает количество суток в четырех синодических месяцах, составлявших в древних календарных системах продолжительность одного из трех “сезонов” лунного года:

$$118 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 3,9958 \text{ мес.}$$

Выявим теперь оптимальный маршрут считывания отдельных блоков знаковой записи. Примем отверстие

пластины за начальный знак счетной системы (*визуальное новолуние*), а глаз меньшего из кабанов за очередные сутки лунного месяца (*астрономическое новолуние*). Если далее продолжать считать лунки, расположенные в пределах его туловища, то в результате получим 29 – число, близкое продолжительности синодического лунного месяца. Столь же рациональным представляется суммирование знаков на изображениях детеныша и льва:

$$5 + 26 = 31,$$

ибо число это тоже близко продолжительности синодического лунного месяца – 29, 5306 сут. Погрешность составляет около 1,5 сут., но она может быть компенсирована при считывании знаков на теле крупного кабана (количество их (58) меньше на 1 сутки от количества суток в двух синодических месяцах).

Наметим маршрут считывания всех знаков (рис. 2). Стрелки показывают направление движения.

При следовании такому маршруту в ходе последовательного считывания знаков пластины по формуле:

$$118 > 118 > 118 \text{ сут.}$$

зубы пасти льва опять, как и на первой пластине, определяют образно-знаково важнейшую, чисто астрономическую деталь – невидимый в небесном пространстве узел лунной орбиты (половина драконического года – 173 – 174 сут.; см. на рис. 2 позиции суток прохода Луною узла). Символизация смерти в образе льва в значительной мере усиливается еще и тем, что один из верхних зубов и глаз хищника определяют моменты повтора затмений – 177 – 178-е сут. (см. на рис. 2 соответствующие позиции). Что касается прохода второго узла лунной орбиты (346 – 347 сут.), то ему соответствуют лунки спирали в задней части крупного кабана, на которую нацелился лев.

Рациональность предложенного варианта прочтения записи подтверждается также связью наиболее примечательных знаков записи – сквозного отверстия и глаз всех животных с новолуниями, а всех остальных – с другими календарно и астрономически значимыми событиями: *a* – повтор затмения (355 сут.), *b* – повтор затмения (356 сут.), зуб около глаза льва – повтор затмения, половина лунного года (177 сут.), *m* (глаз льва) – повтор затмения, *n* – рубежи “сезонов” (1/3 (118 сут.) и 2/3 (236 сут.)) и финал лунного года (354 сут.).

В заключение остается определить прием, посредством которого выравнивался лунный счет времени со счетом времени по Солнцу. Этот шаг был в точности таким же, как при счислении времени по знакам первой пластины – третий лунный год в трехлетнем цикле счисления времени дополнялся 34 сутками интеркалярия. Такой вывод обусловлен следующим соображением: именно такой по продолжительности цикл зафиксирован в счетной системе пластины, имен-

но с его звеньев начиналось счисление каждого из четырехмесячных “сезонов” всех трех лунных лет:

$$1 \text{ (отверстие)} + 28 \text{ (малый кабан)} + 5 \text{ (дитя)} = 34!$$

Следовательно, третий лунный год считывался по следующей схеме:

$$(118 \text{ сут.} \times 3) + 34 \text{ сут.} = 388 \text{ сут.}$$

Структуры знаковой записи пластины позволяют, однако, отслеживать солнечное время иначе, сравнительно точно фиксируя при этом кардинальные точки тропического года – солнцестояния и равноденствия. Для этого счисление суток следует вести по *частям числового текста, связанным только с телами кабанов*. Сумма знаков на них составляет высоко календарно и астрономически значимое число:

$$28 + 58 + 5 = 91,$$

которое соответствует *средней продолжительности каждого из четырех сезонов солнечного года*. Четырехкратный проход по такой записи позволял выйти на его окончание с удовлетворительной точностью:

$$91 \text{ сут.} \times 4 = 364 \text{ сут.}$$

Велика была роль пяти знаков на теле детеныша. Во-первых, они фиксировали лунные фазы на границах перехода от одного солнечного сезона к другому. Во-вторых, после счисления четырех лет, укороченных на 1,242 сут., этот цикл следовало дополнить пятью сутками, и для интеркаляции, конечно же, использовались пять знаков на теле детеныша. Считывание их в конце четвертого года доводило продолжительность его до

$$364 + 5 \text{ сут.} = 369 \text{ сут.}$$

и тем самым счисление времени по Солнцу выравнивалось почти с идеальной точностью:

$$365,242 \text{ сут.} \times 4 = 1460,968 \text{ сут.}$$

$$(364 \times 3) + 369 = 1461 \text{ сут.}$$

Заметим, что календарем, в котором солнечный год равнялся 364 сут., пользовались в конце II и начале I тыс. до н.э. на Ближнем Востоке, о чем свидетельствуют соответствующие разделы знаменитой “Книги Еноха”.

Представим, наконец, возможный вариант считывания времени по кельтскому (майскому) календарю. Если дополнить лунный год пятью сутками, что соответствует числу знаков на теле детеныша, то такая интеркаляция позволит зафиксировать характерный лунно-солнечный цикл:

$$354 \text{ сут.} + 5 \text{ сут.} = 359 \text{ сут. (?) } 359,8045 \text{ сут.}$$

Как можно было убедиться, интеркаляции при выходе на рубежи счисления времени по Солнцу на второй пластине дважды осуществлялись по знакам не льва, а кабанов. Возможно, такого рода особенность призвана была придать солнечным и лунно-солнечным вариантам календарей оптимистический, а не трагический (как следует из анализа лунок на первой пластине) окрас (мотив *рождения* нового времени (или его *обновления*), поскольку завершения циклов приходятся на знаки, связанные с *телом детеныша*).

По ходу считывания времени пластину разворачивали, надо полагать, так, что можно было видеть две разные сцены: взрослые кабаны низвергали на спину льва или лев низвергал на спину свои жертвы.

Особого анализа заслуживают те структуры календаря пластины, которые, судя по всему, позволяли предсказывать возможное время наступления затмений (о том свидетельствуют выделенные позиции узлов лунной орбиты, моменты повтора затмений, а также числовые блоки, отражающие продолжительность эпох солнечных и лунных затмений; см. на рис. 2 записи на телах льва и большого кабана). Затменный характер календаря не мог не повлиять на семантику как отдельных образов животных, запечатленных на гравюре, так и в целом на смысл композиции. Тема эта, однако, требует специального изучения, поскольку постижение того, как предсказывались затмения по строчкам знаковых записей *при многолетнем счислении времени*, – задача для астронома, специалиста по затмениям.

И, наконец, последнее. Две пластины из района Хорум-Дага, обстоятельства открытия которых остаются неизвестными, вероятно, *составляли единый информационный комплекс*. Если это так, то обратим внимание на весьма знаменательное обстоятельство – число знаков на обеих пластинах составляет:

$$59 + 118 = 177,$$

что близко продолжительности лунного полугодия – 177,1835 сут. Следовательно, годовой цикл по Луне мог считываться не только *сезонами* продолжительностью в два (первая пластина) или четыре (вторая пластина) лунных месяца, но и *полугодиями*, когда в счетную систему последовательно подключались записи обеих пластин:

$$(59 + 118 \text{ сут.}) \times 2 = 354 \text{ сут. (?) } 354,367 \text{ сут.}$$

Выводы

Подводя итоги, заметим следующее: связь записей синодических, драконических и солнечных циклов времени с изображениями кабанов и льва можно воспринимать как свидетельство того, что все запечатленные на пластине животные существа не земные, а небесные: светлые – лунные и солнечные, а также иного – темного, угрожающе-таинственного (драконического!) духа. Драма, представленная на гравюре, смотрится событием космического (вселенского) масштаба. В этой картине просматриваются мотивы представлений предков о времени и пространстве, о непрерывном противоборстве в мире сущего сил Света и Тьмы, Жизни и Смерти, отсветом чего они воспринимали, по-видимому, события земные. Поэтому будет заблуждением усматривать в гравюрах обеих пластин (как и в образах иных сходного вида предметов искусства скифо-сибирского стиля) обыденные сюжеты, подсмотренные воином или охотником в зверином царстве. Эти объекты художественного творчества смотрятся философско-мифологическими трактатами о Бытии и бесконечном истечении волн Времени в пространственных беспределах Мироздания.

Список литературы

Ларичев В.Е. Время в образах искусства скифо-сибирского звериного стиля (к методике раскрытия семантики сцен “борьбы и терзаний”) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 70 – 74.

Hentze K. Mythes et symboles lunaires. – Anvers, 1932.

Материал поступил в редколлегию 11.01.2001 г.